

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК: 338.45
JEL: H56

Продукция военного назначения как объект государственного управления в системе национальной безопасности

Г.С. Андреев, к.псих.н., доцент
e-mail: *fondpatriot@gmail.com*

Для цитирования

Андреев Г.С. Продукция военного назначения как объект государственного управления в системе национальной безопасности // Проблемы рыночной экономики. – 2026. – № 1. – С. 104-115.

DOI: 10.33051/2500-2325-2026-1-104-115

Аннотация

В статье рассматривается продукция военного назначения как объект государственного управления и ключевой фактор обеспечения национальной безопасности в условиях высокой внешней неопределенности, санкционно-технологических ограничений и роста требований к устойчивости оборонно-промышленного комплекса. Обосновано, что анализ ПВН в управленческом измерении не может сводиться к оценке объемов выпуска или финансирования, поскольку вклад ПВН в безопасность определяется воспроизводимостью жизненного цикла, качеством институтов, устойчивостью кооперации и динамикой накопления компетенций. Выполнено разграничение категорий «продукция военного назначения» и «вооружение, военная и специальная техника», позволяющее уточнить экономико-правовые и организационные границы государственного воздействия. Предложен управленческий взгляд на жизненный цикл ПВН как на каркас сопоставления целей, ресурсов и рисков, что обеспечивает сопоставимость управленческих решений на стадиях формирования потребности, НИОКР, испытаний, серийного производства, эксплуатации и утилизации. Показано, что ключевые проблемы имеют характер системных противоречий между требованиями безопасности, экономическими механизмами и технологическими ограничениями: противоречие «скорость-надежность-стоимость жизненного цикла», противоречие между задачами технологического суверенитета и инерционностью накопления компетенций, противоречие между концентрацией ресурсов и необходимостью резервирования устойчивости. Сделан вывод о необходимости перехода к риск-ориентированной логике государственного управления ПВН, предусматривающей приоритизацию критических технологий, настройку стимулов контрактования и развитие управляемых контуров обратной связи по эксплуатации и модернизации.

Ключевые слова: *национальная безопасность, государственное управление, продукция военного назначения, оборонно-промышленный комплекс, государственный оборонный заказ, жизненный цикл, технологический суверенитет, санкционные ограничения, рискоустойчивость, критические технологии.*

**Military products as an object of public administration
in the national security system**

Georgy S. Andreev, Cand. of Sci. (Psych.), Associate Professor

e-mail: fondpatriot@gmail.com**For citation**

Andreev G.S. Military products as an object of public administration in the national security system // Market economy problems. - 2026. - No. 1. - Pp. 104-115 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2026-1-104-115

Abstract

The article examines military products as an object of public administration and a key factor in ensuring national security in conditions of high external uncertainty, sanctions and technological restrictions and increasing requirements for the sustainability of the military-industrial complex. It is proved that the analysis of military products in the management dimension cannot be reduced to estimating the volume of output or financing, since the contribution of military products to security is determined by the reproducibility of the life cycle, the quality of institutions, the sustainability of cooperation and the dynamics of competence accumulation. The categories of "military products" and "weapons, military and special equipment" have been distinguished, which makes it possible to clarify the economic, legal and organizational boundaries of state influence. A managerial view of the military products' life cycle is proposed as a framework for comparing goals, resources and risks, which ensures comparability of management decisions at the stages of demand formation, R&D, testing, mass production, operation and disposal. It is shown that the key problems have the character of systemic contradictions between security requirements, economic mechanisms and technological constraints: the contradiction of "speed-reliability-life cycle cost", the contradiction between the objectives of technological sovereignty and the inertia of accumulation of competencies, the contradiction between the concentration of resources and the need to reserve sustainability. It is concluded that there is a need to move to a risk-based logic of public administration of military products, which provides for the prioritization of critical technologies, setting up incentives for contracting and the development of controlled feedback loops for operation and modernization.

Keywords: *military-industrial complex; sustainability of functioning; personnel policy; staff motivation; professional training.*

В условиях нарастающей неопределенности международной среды и усложнения военно-политических рисков обеспечение национальной безопасности Российской Федерации становится одной актуальнейшей проблемой. Нарастание международной напряженности, связанное с устойчивым обострением военно-политической обстановки (ВПО) на фоне системной поддержки Украины и усиления силового противоборства блока НАТО на постсоветском пространстве, провокаций в районах границы с Калининградской областью в Балтийском и Баренцевом море и в ближайших акваториях, провоцирование военного конфликта в Прибалтике и Приднестровье, увеличение масштабов терроризма и радикального экстремизма, а также, реализация стратегии недобросовестной конкуренции в виде санкционных ограничений напрямую направлены на нанесение максимального ущерба России.

Структурное перераспределение военно-политической нагрузки США на европейских союзников и ускоренное военно-техническое развитие стран ЕС и принятие странами НАТО ориентирного показателя совокупных расходов на оборону и безопасность на уровне 5% ВВП к 2035 г. выступает инструментом, направленным на фиксацию приоритета военной готовности, получения эффекта устрашения и сдерживания Российской Федерации усилить (таблица 1).

Таблица 1

Масштаб финансовых параметров нового ориентира стран НАТО по параметру совокупных расходов на оборону и безопасность

Показатель	Оценка	Интерпретация
------------	--------	---------------

Средняя нагрузка НАТО, 2024 г.	2,2% ВВП; \approx 1,5 трлн долл. США	Базовая точка сравнения (совокупные ежегодные расходы).
Цель «основные оборонные нужды», 2035 г.	3,5% ВВП; \approx 2,9 трлн долл. США	Прирост к 2024 г.: \approx +1,4 трлн долл.; расходы НАТО на оборону
Полная цель «оборона и безопасность», 2035 г.	5,0% ВВП; \approx 4,2 трлн долл. США	Прирост к 2024 г.: \approx +2,7 трлн долл.; включает до 1,5% ВВП на сопутствующие расходы (устойчивость, инфраструктура, инновации).
Германия (оценка при 5% ВВП в 2035 г.)	\approx 329 млрд долл. США	Сопоставимо с оценкой текущих госрасходов на образование (\approx 283 млрд долл.).
Франция (оценка при 5% ВВП в 2035 г.)	\approx 221 млрд долл. США	Сопоставимо с оценкой текущих госрасходов на образование (\approx 225 млрд долл.).
Италия (оценка при 5% ВВП в 2035 г.)	\approx 158 млрд долл. США	Сопоставимо с оценкой текущих госрасходов на образование (\approx 126 млрд долл.).

Источник: составлено автором

В 2024 г. средняя военная нагрузка членов НАТО составляла 2,2% ВВП (порядка 1,5 трлн долл. США). Достижение уровня 3,5% ВВП потребует увеличения ежегодных расходов примерно на 1,4 трлн долл. США (до 2,9 трлн долл.), а переход к 5% ВВП – почти на 2,7 трлн долл. (до 4,2 трлн долл.). На уровне отдельных экономик это означает значимые бюджетные компромиссы: ориентировочно для Германии объем расходов при 5% может составить 329 млрд долл., для Франции – 221 млрд долл., для Италии – 158 млрд долл., что сопоставимо с крупными социальными статьями (например, расходами на образование).

В этих условиях с целью обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, Российская Федерация вынуждена предпринимать меры по снижению напряженности ВПО (рис. 1), которые непосредственно повышают уровень национальной безопасности и снижают военные угрозы (рис. 2).

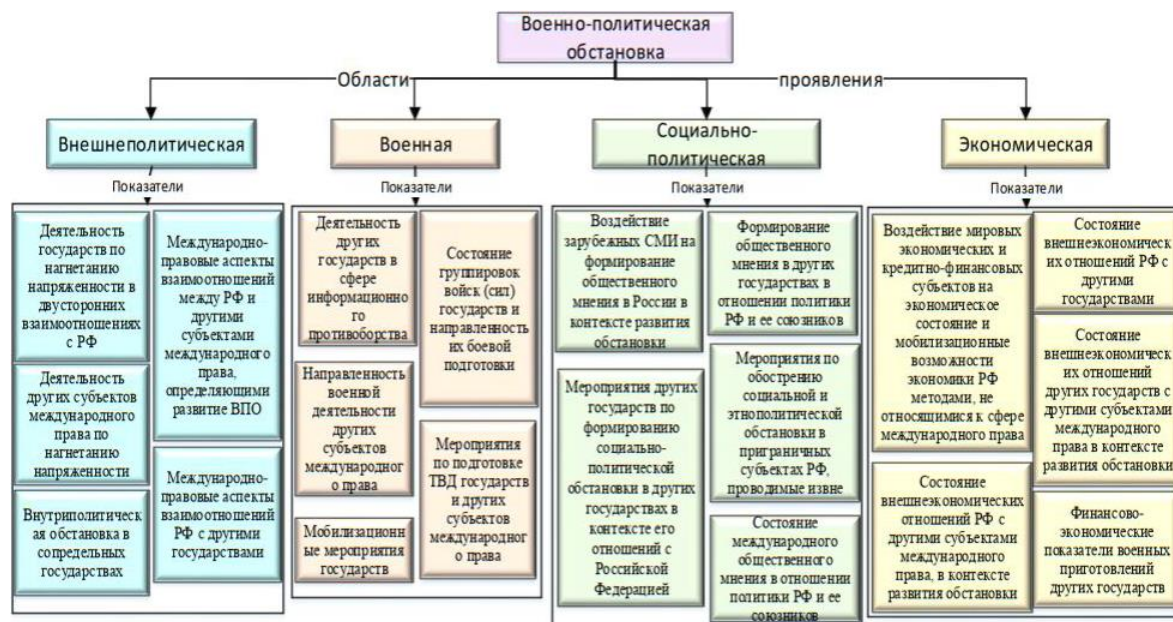

Рис. 1. Ключевые направления и показатели оценки напряженности ВПО Российской Федерации

Источник: составлено автором.

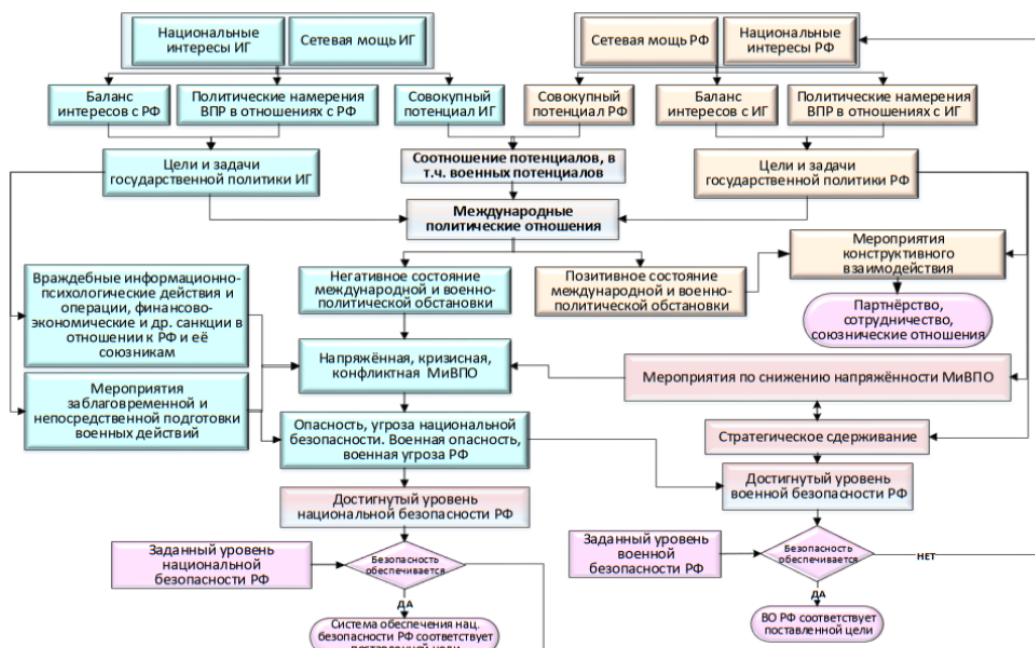

Рис 2. Условная модель формирования национальной и военной безопасности Российской Федерации

Источник: составлено автором.

В совокупности указанные факторы формируют базовый прогнозный сценарий ВПО и набор вариантов его развития (рис. 3).

В настоящее время угроза национальной безопасности определяется как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации.

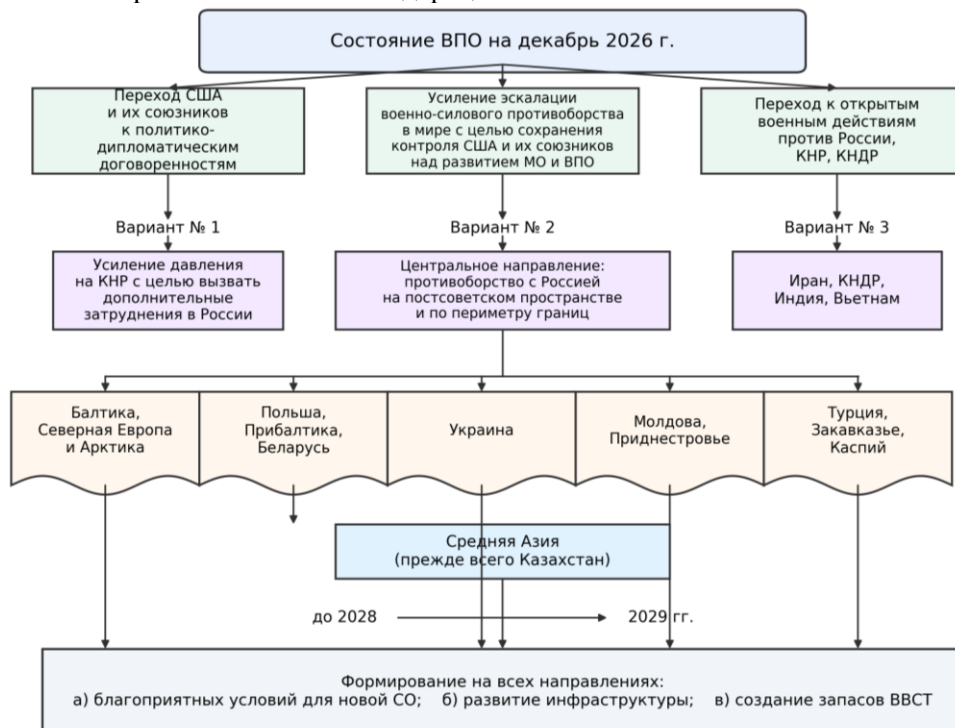

Рис. 3. Прогнозирование сценариев и вариантов ВПО в 2026–2027 гг.¹

Источник: составлено автором.

¹ Подберезкин А.И. Особенности развития ВПО на Украине и постсоветском театре военных действий <https://defence.mgimo.ru/?q=analitika/osobennosti-razvitiya-vpo-ukraine-0>.

В свою очередь военная угроза трактуется, как состояние отношений, характеризующее реальную возможность возникновения военного конфликта и высокой степенью готовности субъектов к применению вооруженного насилия [16].

Принципиально важно, что в новых геополитических спектр угроз национальной и военной безопасности Российской Федерации носит гибридный характер: военные риски (угрозы применения силы) устойчиво переплетены с экономическим, технологическим, информационным и правовым давлением [10].

Таблица 2

Ключевые угрозы национальной и военной безопасности РФ: содержание, проблемы и противоречия в новых геополитических условиях

Группа угроз	Содержание угрозы в новых условиях	Проблемы и противоречия обеспечения безопасности
Внешние военные опасности	Приближение военной инфраструктуры к границам РФ, развитие стратегической ПРО и высокоточного оружия, милитаризация космоса и киберпространства	Противоречие между необходимостью ускоренного наращивания военных возможностей и ограничениями ресурсной/промышленной базы (темпы перевооружения, устойчивость производства и обслуживания)
Многонаправленное давление по периметру границ	Рост нестабильности в сопредельных регионах, вероятность расширения географии противоборства и распределения усилий по нескольким направлениям	Противоречие между концентрацией ресурсов на главном направлении и необходимостью резервирования сил/средств для иных направлений риска
Внутренние военные опасности и терроризм	Риски подрыва суверенитета, попытки дезорганизации органов власти и террористическая активность	Противоречие между усилением мер безопасности и необходимостью сохранения легитимности/правового режима и общественной устойчивости
Санкционно-экономическое давление	Ограничение доступа к рынкам, технологиям, оборудованию, финансированию; структурные изменения в экономике	Противоречие между необходимостью поддерживать темпы модернизации и ростом издержек адаптации (импортозамещение, сроки / качество / стоимость)
Технологическая зависимость и уязвимость цепочек поставок	Угроза технологического отставания и разрывов критических цепочек поставок; потребность в собственных критических технологиях	Противоречие между задачей обеспечения технологического суверенитета и инерционностью накопления компетенций (НИОКР, кадры, кооперация)
Уязвимость «производственного контура» ОПК	Дефицит компонентов, необходимость ускоренного перепроектирования и модернизации по итогам эксплуатации, рост требований к темпу выпуска ВВСТ	Противоречие «скорость-надежность-стоимость жизненного цикла»: ускорение модернизации требует институтов обратной связи и управляемых изменений
Несогласованность и «старение»	Множественность документов стратегического	Противоречие между стабильностью нормативного регулирования и

стратегических документов	планирования и необходимость их регулярной актуализации	потребностью в управленческой гибкости под новые вызовы
Бюджетная устойчивость и условные механизмы	Условное финансирование отдельных обязательств при наличии доходов от ВТС и реализации имущества/продукции военного назначения	Противоречие между гибкостью бюджета и риском волатильности доходной базы; необходимость строгого отделения «инфраструктуры/соцобязательств» от расходов производственного контура

Источник: составлено автором.

В этой логике оборона страны рассматривается как стратегический национальный приоритет, а военная безопасность выступает необходимым условием мирного социально-экономического развития при одновременном учете возможностей экономики и ресурсной обеспеченности. Поэтому критически важным становится не только наличие Вооруженных сил, но и способность промышленности и системы управления жизненным циклом вооружения воспроизводить и оперативно наращивать боевой потенциал в условиях внешних и внутренних шоков [9].

Военно-политический контур угроз в основном связан с обострением военно-политической обстановки и усилением антироссийского вектора политики США и союзников, ориентированного на ограничение военной мощи России. В прикладном измерении это проявляется через расширение НАТО, наращивание инфраструктуры и воинских контингентов в сопредельных районах, складирование вооружений и проведение крупных учений у российских границ. Дополнительными источниками риска выступают развертывание систем стратегической противоракетной обороны и высокоточного оружия, милитаризация космоса, а также эскалация вооруженных конфликтов и распространение международного терроризма. Отдельно фиксируются обострение борьбы за рынки вооружений, усиление милитаризации киберпространства и рост глобального экстремизма. В совокупности это формирует сценарии многонаправленного давления по периметру границ и повышает требования к мобилизационной готовности, оперативности перевооружения и устойчивости критической инфраструктуры. К внутренним военным опасностям относятся попытки насильственного изменения конституционного строя, подрыв суверенитета и дезорганизация органов власти.

Все это дополняется рисками диверсионно-террористической активности на территории России (удары беспилотных средств по гражданским объектам, действия диверсионных групп, попытки дезорганизации логистики и функционирования предприятий).

Невоенный контур угроз формируется, прежде всего, санкционным давлением и ограничением доступа к рынкам, технологиям, оборудованию и финансированию, что влияет на экономическую динамику и структурные изменения в российской экономике². В ответ технологический суверенитет приобретает статус экономической доктрины промышленного развития и трактуется как способность государства самостоятельно разрабатывать и производить критически важные технологии и оборудование, без которых невозможно закрывать уязвимости оборонного производства³. Соответствующая политика опирается на стратегическое планирование в сфере научно-технологического развития, взаимосвязанное со стратегиями национальной безопасности и социально-экономического развития, а также на программы инновационного развития компаний с государственным участием и новые приоритеты технологического лидерства [2].

Санкционный фактор проявляется не только как запрет на поставки отдельных позиций, но и как системный рост транзакционных издержек: усложняется поиск альтернативных поставщиков, увеличиваются сроки сертификации и испытаний, возрастает нагрузка на контроль качества и на юридическое сопровождение кооперации. Для предприятий ОПК это означает

² Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития: научный доклад / кол. авт.; под ред. М. Ю. Головина. – М.: Институт экономики РАН, 2025. – 120 с.

³ Пурыскина В. А. Технологический суверенитет как экономическая доктрина развития отечественной промышленности // Первый экономический журнал. – 2025. – № 5(359). – С. 78–88.

удлинение и удорожание проектов, рост рисков разрывов кооперации и необходимость ускоренного перепроектирования изделий под доступную элементную базу [1,7].

Критическим ограничением становится доступ к современным средствам производства (высокоточные станки, измерительное и испытательное оборудование), к компонентной базе (прежде всего микроэлектроника, датчики, материалы), а также к программным платформам инженерного проектирования и управления производством. Статистические данные по промышленности и инновационной активности показывают, что российская экономика в целом характеризуется структурной неоднородностью и различной технологической зрелостью отраслей; для ОПК это означает необходимость сочетать поддержание выпуска по существующим изделиям с ускоренным технологическим обновлением. При этом импортозамещение не является механическим переносом технологий: оно предполагает формирование собственных научно-инженерных компетенций, воспроизводимых технологических процессов и испытательной инфраструктуры, а также развитие кооперации внутри страны и в «дружественных» контурах [5,8].

По мнению Британского Королевского института объединенных исследований (RUSI – является организацией, нежелательной на территории Российской Федерации) санкционное давление в отношении российского ОПК проявляется прежде всего как воздействие на «критические контуры» жизненного цикла высокотехнологичной продукции (таблица 3).

Таблица 3

Каналы санкционного воздействия и критические последствия для производственного контура (на примере средства ПВО)

Критическая зона	Санкционный канал	Типовое последствие
Микроэлектроника и вычислительные модули	Ограничение доступа к передовым техпроцессам/компонентам	Перепроектирование, задержки серийности, рост стоимости и рисков выполнения ГОЗ
Материалы для СВЧ-электроники	Ограничение импорта узких материалов (керамика, спец. субстраты)	Срыв ритмичности выпуска РЛС и СВЧ-блоков, риск деградации характеристик
Высокочастотные печатные платы	Экспортный контроль на ВЧ-ламинаты и химические материалы	Удлинение производственного цикла, снижение надежности/повторяемости при заменах
Измерительно-испытательная база	Запреты на поставки тестового оборудования и ЗИП	Падение качества калибровки и контроля, рост «скрытых» дефектов, замедление модернизации
ПО для моделирования и проектирования	Лицензионные ограничения и отказ поддержки	Потери функциональности инженерных цепочек, увеличение ошибок, рост времени разработки
Станочный парк и ремонт мощностей	Ограничение доступа к станкам и комплектующим для ремонта	Рост простоев, удорожание восстановления и модернизации производственных линий

Источник: составлено автором.

Ключевой канал санкционного воздействия связан с технологическим разрывом в микроэлектронике: для части специализированных процессоров и вычислительных модулей требуется уровень технологий, который существенно опережает отечественные производственные возможности.

Это приводит к вынужденным перепроектированиям, сдвигам календарных графиков и росту зависимости от сложных цепочек посредников. Второй канал - ограничения по критическим материалам (например, высокотемпературная керамика для СВЧ-электроники), где рынок поставок узок, а локализация требует длительных инвестиций и технологической зрелости. Третий канал – экспортный контроль на измерительное и испытательное оборудование (векторные анализаторы,

генераторы сигналов, спектроанализаторы), которое является обязательным для приемки, сертификации и непрерывного совершенствования радиолокационных и ракетных подсистем. Четвертый канал - зависимость от зарубежных программных средств моделирования и проектирования (САПР печатных плат, электромагнитное моделирование, пакеты инженерного анализа). Ограничения в этой сфере трансформируются в риски деградации инженерного контура, увеличения ошибок проектирования и появления «скрытых» дефектов, выявляемых уже на поздних стадиях испытаний.

Авторы исследования напрямую указывают, что ключевая цель – это не немедленное обезоруживание России, а создание необратимого дисбаланса. Замысел вероятного противника состоит в том, чтобы «заставить Россию расходовать ракеты ПВО быстрее, чем она способна их производить. А также снизить качество новых систем из-за вынужденного использования заменителей и упрощенных технологий, обеспечив при этом к 2026 году Украине возможность наносить большой ущерб России без кратного увеличения поставок оружия» [4,6].

Показано, что критические входы для производства средств ПВО могут иметь относительно небольшой денежный объем, но высокую предельную значимость для темпов и качества выпуска. По данным торговых записей, в 2024 г. импорт измерительного оборудования Keysight составил около 42,47 млн долл. США; поставки бериллиевой керамики (BeO), применяемой в высокомоощной СВЧ/радиочастотной электронике как материал для предотвращения перегрева, достигли 17,8 млн долл.; импорт ВЧ-материалов/печатных плат Rogers с 01.01.2024 – порядка 1,1 млн долл. США (рис. 4) [14,15].

В совокупности критические последствия санкций для ОПК можно описать как переход от прямого ограничения закупок к системному повышению неопределенности и транзакционных издержек: усложнение контрактования, рост сроков логистики, необходимость мультиканальных поставок, более высокая стоимость единицы входа и снижение предсказуемости выпуска. Для сегментов, где темпы расходования изделий превышают темпы производства, санкционные ограничения усиливают дисбаланс между потребностью войск и возможностями промышленности.

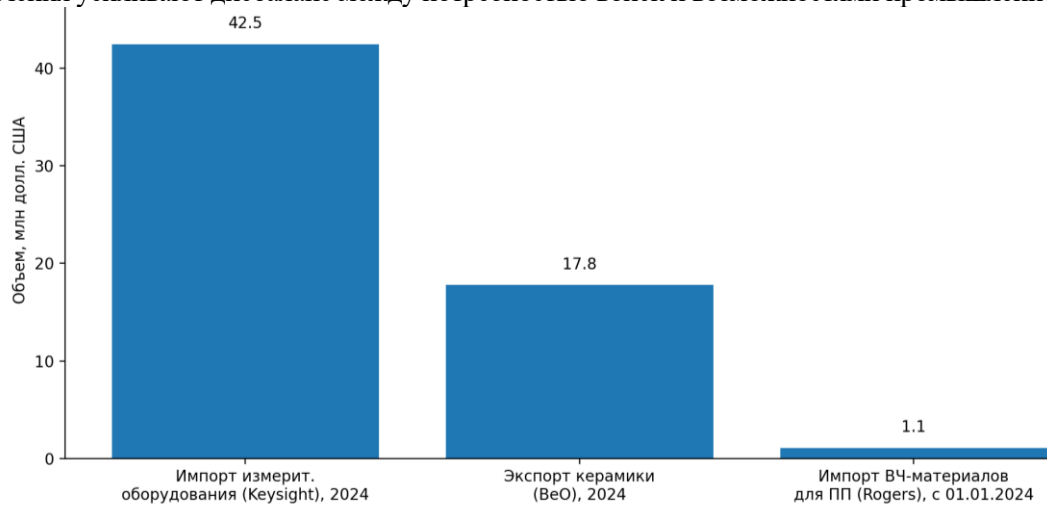

Рис. 4. Масштабы внешних поставок критических входов для производства средств ПВО ОПК Российской Федерации

Источник: составлено автором.

Ключевое противоречие «производственного контура» состоит в том, что предприятия ОПК признаются опорой обороны, экономической безопасности и научно-технологического развития, но одновременно уязвимы к разрывам кооперации и дефициту компонентов, что вынуждает ускорять перепроектирование и модернизацию изделий по итогам эксплуатации.

В логике «противодействия» наращиванию военных расходов США и европейских стран ключевое значение для Российской Федерации приобретает не только общий масштаб ассигнований на обеспечение национальной безопасности и обороны, но и способность быстро перераспределять ресурсы на ключевые приоритеты. Федеральный закон о бюджете на 2026 год и плановый период

2027 – 2028 годов фиксирует высокую номинальную базу государственных расходов (с 44,07 до 49,38 трлн руб.) при сохраняющемся дефиците (3,79; 3,19; 3,51 трлн руб.).

В 2026 г расходы федерального бюджета на национальная оборону составят 12,93 трлн руб. – 29,3% бюджета, а на нацбезопасность и правоохранительную деятельность – 3,91 трлн руб. (8,9%) (рис. 5-6.).

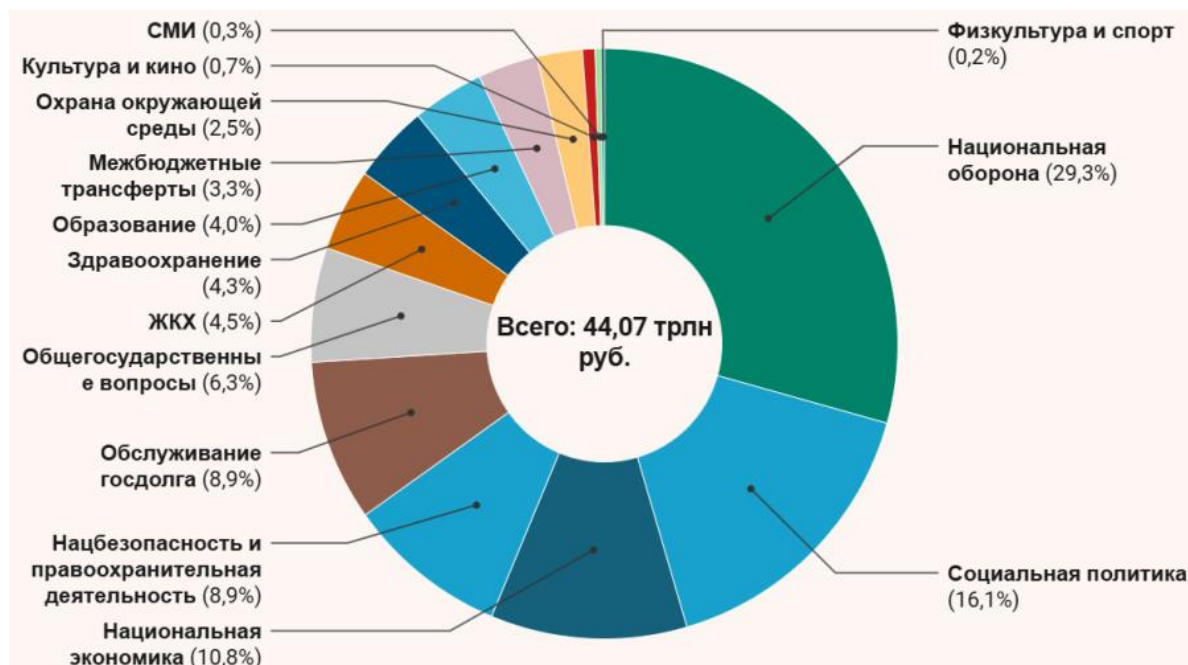

Рис. 5. Расходы федерального бюджета РФ на 2026 г. по разделам
Источник: составлено автором.

	2026	2027	2028
Национальная оборона	12,93	13,57	13,05
Социальная политика	7,10	7,09	7,27
Национальная экономика	4,77	4,92	5,48
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	3,91	4,23	4,43
Обслуживание госдолга	3,90	3,76	4,52
Общегосударственные вопросы	2,76	2,85	2,98
ЖКХ	2,00	1,40	1,43
Здравоохранение	1,88	1,92	2,09
Образование	1,74	1,88	2,04
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ	1,45	1,46	1,48

Рис. 6. Расходы федерального бюджета на 2026-2028 гг. по основным разделам
Источник: составлено автором.

Соответственно, в новых геополитических условиях (под «новыми геополитическими условиями» в рамках исследования следует понимать совокупность факторов, резко изменивших

внешнюю среду развития российского ОПК: усиление санкционно-экономического и технологического давления, ограничение доступа к оборудованию и программному обеспечению, осложнение участия в глобальных цепочках добавленной стоимости, изменение структуры мировых рынков вооружений, а также рост неопределенности в отношении длительности и интенсивности внешних угроз) ключевая практическая проблема обеспечения НБ РФ проявляется как необходимость **одновременно** а) поддерживать и наращивать *производственный контур* разработки / выпуска военного назначения и б) обеспечивающий *контур* устойчивости (инфраструктура, жилищные и иные обязательства, контроль/сопровождение), при том, что эти контуры имеют **разные экономические механизмы и источники финансирования**.

Поэтому разработка и производство продукции военного назначения (ПВН) выступает не вспомогательным, а структурообразующим элементом национальной безопасности: именно через них политические решения и планы преобразуются в конкретные изделия, технологии и компетенции, обеспечивающие способность государства сдерживать угрозы и реагировать на них [2].

При этом требуется провести разграничение между категориями ПВН и вооружением, военной и специальной техникой (ВВСТ). **Продукция военного назначения** – это **экономико-правовая и производственно-технологическая категория**, используемая для описания **объектов государственного оборонного заказа и связанных с ним работ, услуг и результатов НИОКР** и включает: материальные изделия; нематериальные результаты (НИР, ОКР, программные продукты); услуги и работы, обеспечивающие создание, производство, сопровождение и утилизацию; комплектующие, материалы, элементную базу, технологическую оснастку.

В то же время ВВСТ – это военно-техническая и функционально-боевая категория, описывающая материальные образцы, предназначенные непосредственно для выполнения боевых, обеспечивающих или специальных задач и характеризуется тем, что имеет тактико-технические характеристики; обладает измеримым боевым эффектом; включается в систему вооружения; подлежит принятию на вооружение и эксплуатации в войсках.

Таким образом, ПВН представляет собой экономико-управленческую категорию, охватывающую совокупность изделий, работ и услуг, обеспечивающих формирование и воспроизводство военного потенциала, тогда как вооружение, военная и специальная техника являются военно-технической формой материализации части данной продукции, обладающей непосредственным боевым назначением.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
2. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014; опубликована 30.12.2014).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.12.2017 № 1465 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».
4. Гареев Т. Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // Terra Economicus. 2023. Том 21. Номер 4. Страницы 38–54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54.
5. Дементьев В. Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // Terra Economicus. 2023. Том 21. Номер 1. Страницы 6–18. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18.
6. Ленчук Е. Б. Технологический суверенитет – новый вектор научно-технологической политики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. Номер 3(64). Страницы 232–237. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237.

7. Потапцева Е. В., Акбердина В. В., Койтов С. А. Зависимость от технологий двойного назначения и отраслевые ниши импортозамещения в контексте электротехнического оборудования // Вооружение и экономика. 2024. Номер 4(70). Страницы 58–66.
8. Потапцева Е. В., Акбердина В. В., Пономарева А. О. Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России // AlterEconomics. 2024. Том 21. Номер 4. Страницы 818–842. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9.
9. Смулов А. М. Методические подходы к прогнозированию целевых показателей государственного оборонного заказа // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. Номер 3. Страницы 78–86. DOI: 10.18101/2304-4446-2017-3-78-86.
10. Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. Номер 3(82). Страницы 83–91. DOI: 10.15211/soveurope320188391.
11. Droff J., Malizard J. 50 shades of procurement: the European defense trilemma in defense procurement strategies // The Economics of Peace and Security Journal. 2023. Volume 18. Number 1. Pages 18–34. DOI: 10.15355/epsj.18.1.18.
12. OECD. Implementing the OECD Recommendation on Public Procurement in OECD and Partner Countries: 2020–2024 Report. Paris: OECD Publishing, 2025. 87 p. DOI: 10.1787/02a46a58-en.
13. OECD. Integrity in Public Procurement: Good Practice from A to Z. Paris: OECD Publishing, 2007. 171 p. DOI: 10.1787/9789264027510-en.
14. OECD. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption. Paris: OECD Publishing, 2023. 230 p. DOI: 10.1787/0b55736e-en.
15. SIPRI. SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2025. DOI: 10.1093/sipri/9780198979791.001.0001.
16. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Volume 28. Number 2. Pages 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003.

References

1. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 “On the Contract System in Public Procurement”.
2. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 25.12.2014; published on 30.12.2014).
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1465 of 02.12.2017 “On State Regulation of Prices for Products Supplied under the State Defense Order, and on Amendments and Repeal of Certain Government Acts”.
4. Gareev T. R. Technological Sovereignty: From Conceptual Contradictions to Practical Implementation. Terra Economicus. 2023;21(4):38–54.
5. Dementiev V. E. Technological Sovereignty and Localization Priorities. Terra Economicus. 2023;21(1):6–18.
6. Lenchuk E. B. Technological Sovereignty as a New Trend in Russia’s Science and Technology Policy. Journal of the New Economic Association. 2024;64(3):232–237.
7. Potapitseva E. V., Akberdina V. V., Koitov S. A. Dependence on Dual-Use Technologies and Industry Niches for Import Substitution in the Context of Electrical Equipment. Vooruzhenie i ekonomika = Armament and Economics. 2024;70(4):58–66.
8. Potapitseva E. V., Akberdina V. V., Ponomareva A. O. The Concept of Technological Sovereignty in Contemporary Russian State Policy. AlterEconomics. 2024;21(4):818–842.
9. Smurov A. M. Methodological Approaches to Forecasting Target Indicators of the State Defense Order. Bulletin of Buryat State University. Economics and Management. 2017;(3):78–86.
10. Faltsman V. K. Technological Sovereignities of Russia: Statistical Measurements. Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe. 2018;3(82):83–91.
11. Droff J., Malizard J. 50 shades of procurement: the European defense trilemma in defense procurement strategies // The Economics of Peace and Security Journal. 2023. Volume 18. Number 1. Pages 18–34. DOI: 10.15355/epsj.18.1.18.

-
12. OECD. Implementing the OECD Recommendation on Public Procurement in OECD and Partner Countries: 2020–2024 Report. Paris: OECD Publishing, 2025. 87 p. DOI: 10.1787/02a46a58-en.
 13. OECD. Integrity in Public Procurement: Good Practice from A to Z. Paris: OECD Publishing, 2007. 171 p. DOI: 10.1787/9789264027510-en.
 14. OECD. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2023: Enabling Transitions in Times of Disruption. Paris: OECD Publishing, 2023. 230 p. DOI: 10.1787/0b55736e-en.
 15. SIPRI. SIPRI Yearbook 2025: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2025. DOI: 10.1093/sipri/9780198979791.001.0001.
 16. Vial G. Understanding digital transformation: a review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Volume 28. Number 2. Pages 118–144. DOI: 10.1016/j.jsis.2019.01.003.

Об авторе

Андреев Георгий Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, ФГБНУ «Аналитический центр», докторант.

About author

Georgy S. Andreev, Candidate of Sci. (Psych.), Associate Professor, FSBSI "Analytical Center", doctoral student.